

Л.В. ФАДЕЕВА
(Москва)

Рецензия на: История Вятского края в преданиях, легендах и песнях / Сост., вступ. ст. и коммент. А.А. Ивановой. — М.: Котельнич, 2006. — 472 с., ил. — (Антология вятского фольклора в современных записях; Кн. 6).

Полевые записи последних десятилетий насыщены рассказами о прошлом края. Однако долгое время фольклористы не относились к этим материалам всерьез, считая их изучение делом краеведов. При составлении сборников народной прозы из пласта исторических повествований обычно изымались только предания и легенды, причем критерием отбора была установка на традиционность текста, субъективно (а нередко и интуитивно) ощущаемая как типичность, узнаваемость образов и сюжетов. Совсем не учитывалось, что многие из этих текстов обычно рассказываются в неразрывной связи с воспоминаниями и размышлениями очевидцев реально происходивших событий, которые именно эту непосредственно пережитую историю оценивают как нечто значительное, свидетельствующее об их причастности к истории семьи, рода, края, страны.

Сборник «История Вятского края в преданиях, легендах и песнях», продолживший весьма окрепшую за последние годы и обретшую новый облик серию «Антология вятского фольклора в современных записях», которую издают кафедра русского устного народного творчества Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и Вятский региональный центр русской культуры, ценен уже тем, что представляет исторический пласт современных полевых записей целостно, позволяя читателю объективно оценивать состояние исторической памяти этноса. В этой связи понятен отказ А.А. Ивановой, составителя данной подборки материалов (всего 1360 текстов), от жанрового принципа подачи, который неизбежно нарушил бы единство исторического содержания. Ей гораздо важнее подчеркнуть неразрывную связь рассказчика с его корнями, землей, на которой он живет и трудится, а следовательно, и особое восприятие *исторического процесса как пози-*

тивного или негативного вмешательства в эту жизнь. Тематический, а внутри него географический принципы группировки текстов отвечают этой задаче.

Книгу открывает небольшая, но ёмкая вступительная статья [с. 6—15], в которой содержится объяснение критериев работы с материалами: «Бережно сохраняемые, передаваемые от поколения к поколению устным путем предания, легенды, песни, частушки, прозвища и присловья по совокупности формируют *неписанную историю*, в которой представлена народная точка зрения на историю (время) и местность (пространство), нередко расходящаяся с официальной оценкой событий» [с. 6]. Отсюда многожанровость сборника, по преимуществу прозаического, но украшенного частушками и песнями с выразительными характеристиками местных жителей. Отсюда и сосредоточенность на «образе» места, которое, как следует из книги, проживает свою жизнь вместе с людьми и их усилиями словно растет во времени до тех пор, пока очередные исторические катаклизмы не положат предел этой жизни. Во вступительной статье содержатся также интересные размышления об особенностях изучения краеведами устной истории и характере публикуемых ими текстов (кстати, материалы краеведов, как переданные ими собирателям изустно, так и изъятые из местных музейных собраний или перепечатанные из краеведческих альманахов и газет, представлены в этой книге); процессах заселения и развития Вятского края; специфике хронотопа народно-исторических повествований; прозвищном фольклоре; ареале бытования преданий о чуди; народной святости и судьбах древлеправославных общин. В заключение представлена структура сборника, обоснованы принципы подачи материала.

История места разрабатывается в книге в рамках концепции культурного ландшафта. В этой связи становится понятным внимание составителя ко всему комплексу элементов, культурный ландшафт формирующих. Это природный ландшафт, осваивающее его сообщество людей, созданные ими селенческая и хозяйственная системы, а также духовная культура — религиозная вера, язык и фольклор [Иванова 2002]. Материалы, представленные в сборнике, дают возможность проследить

жизнь местных этнических сообществ по всем перечисленным направлениям. Интересно, что именно организация селения, способы хозяйствования, верования, язык и фольклор оказываются наиболее яркими критериями в ситуации взаимной оценки этносов, традиционно населяющих Вятский край.

Предания, легенды, рассказы о прошлом, а также песни, частушки, прозвища и присловья сгруппированы в сборнике в несколько разделов: «Природа Вятского края» [с. 19—42], «Из истории вятских городов и селений» [с. 45—250], «Прозвища жителей Вятского края» [с. 253—268], «Дославянское население Вятского края» [с. 271—306], «Праведники Вятской земли» [с. 309—332], «Вятские старообрядцы» [с. 335—360], «XX век в рассказах вятчан» [с. 363—379].

Совершенно очевидно, что самым насыщенным по материалу оказался раздел «Из истории вятских городов и селений», включивший рассказы о заселении края, сооружении церквей и часовен; посещении святых мест; проведении ярмарок; интересных людях — силачах, купцах, благотворителях и благоуказателей края; разрушении церквей и божьей каре за этот грех. Следуя предложенной составителем логике — по городам, селам, погостам и деревням, невольно отмечаешь, что у вятчан есть свои излюбленные сюжеты. Так, чрезвычайно богато представлены рассказы о выборе места для строительства храма. Можно даже попытаться проследить ареал бытования сюжета о церкви, «переходящей» на другое место, обретающего в интерпретации большинства рассказчиков легендарный характер: «...Во Всехсвятском рассказывали. Церковь там хотели построить на горе. Привозили лес на эту гору днем. Утром встанут — весь лес у речки! По две ночи так было. Стали караулить, кто это делает. Поймать хотели. Так брёвна сами катились под гору, к речке. Куда прикатились бревна, там и построили церковь...»; «Церковь нашу построили в честь Петра и Павла. Строили на угорье. А придут с утра, она в низине стоит. Так и построили...» (с. Всехсвятское Белохолуницкого р-на [с. 64—65, №№ 227, 228]); «...Хотели церковь нашу поставить не на том месте, где она, а ближе, на более высококом месте. Ну и вот, значит, такой случай был. Якобы заложили там первые камни, ушли домой. На второе утро приходят

— и это всё, что было заложено, перенесено на то место, где церковь стояла. И они снова такое, дескать, сделали: снова перенесли туда. Но на следующее утро опять повторилось это же. И тогда они решили, что это провидение такое. И решили ставить на это место...»; «На Мезенском угоре у нас закладывали церковь не раз, но всё не получалось. Я от бабушки своей это слышала. Она рассказывала, что, сколько ни строили, всё рушилось. Тут на угоре-то поля были поповские, вот и хотели наверху поставить, чтобы далеко видать было и высоко. Да всё не вышло. Как строят — рушится. Тогда уж у реки построили, внизу, на повороте» (с. Полом Белохолуницкого р-на [с. 68—69, №№ 249, 250]); «Церковь-то нашу не тут думали строить. На середину, недалеко ходили. Там хотели поставить, молились. Да Боженьки (иконы. — Л.Ф.) оттуда сюда перешили. Сами перешили»; «Бабушка говорила. Была гора, Дворец называлась. Вот когда церковь строить собрались, навозят лес на гору, утром просыпаются — а весь лес здесь, внизу. Это знак был» (с. Троица Белохолуницкого р-на [с. 74, №№ 274, 275]); «...Первоначальный план, замысел якобы был поставить нашу церковь не здесь, в селе Красном, на правом берегу Моломы, а на левом берегу Моломы, где сейчас бывшая деревня Селёвская. Это высокое красивое место. Вот так. Якобы туда был приплавлен лес на сваи там, на стропила и так далее. Но чудесным образом за одну ночь весь лес, приплавленный к Селёву, поднялся вверх по течению на добрые семьсот метров (если не на километр), понимаете? Вот. И решено было церковь не на левом берегу Моломы ставить, а на правом...»; «Хотели церковь-ту строить сначала у Селёво за рекой. Там выше место. Аж там всё обложено было. А всё икона под эту гору скатится. И перенесли тогда церковь сюда...» (с. Красное Даровского р-на [с. 79—80, №№ 298, 299]) и т.д. И таких «сквозных» сюжетов в сборнике очень много.

Свидетельства, помещенные в раздел «Из истории вятских городов и селений», демонстрируют стремление рассказчика подчеркнуть связь истории его семьи с историей места, где он живет, показать, как его близкие становились участниками тех или иных событий. Ср. в рассказах об основании села: «Мой прадед вселился сюда первым. Он был Петр Палыч. И назвали <деревню> Полуныч

та» (д. Полуныта Афанасьевского р-на [с. 59, № 203]); о строительстве церкви: «*Мастер из Великого Устюга согласился здесь ее поставить. Там он такую же сделал... Мой дедушка участвовал в строительстве. Прохор его звали. Так ставили на белках. Были несколько сот белков. Желтый для отделки оставляли. И до сих пор стоит. А сколько пережила! Тракторы там чинили, склад был*» (д. Верхнелалье Лузского р-на [с. 122, № 464]); о спасении иконы из разоряемой часовни: «*Революция совершилась, и почему-то это всё стали ломать... И бабушка узнала, что часовню ломают. Меня оставляет (три годика было, я мог зыбочку покачивать, люлочку, а в люльке лежала у меня сестра маленькая). Ну вот. Она меня оставляет: "Ты посиди, дитятко, зыбочку покачивай. А потом смотри, как я пойду". Часовню-то ломали... И вот я бабушку спровадил и сажу на окошке, ее дожидаю. И вот бабушка идет, какую-то покрышку несет на веревке, на плече. В избу она ее не занесла: боялась, что моего отца будут притеснять коммунисты. Занесли мы ее в амбар. И вот это время она лежала. Мои уже дети выросли, в школу ходить стали. Я с ними чё-то разговорился: у нас, мол, икона есть в амбаре. "А чё ты, папа, никогда ничё не говорил? Давайте вынесем". Вынесли, а она была в пыли, в грязи, просто закрывали мы муку тоже. Ну, отец знал, что бабушка икону принесла. Люди какие-то знали тоже. Эту икону, значит, принесли в 1934 году*» (д. Ведерниковы Афанасьевского р-на [с. 48, № 148]).

Мысль о личном участии каждого в истории родной земли, об ответственности за всё, что на ней происходит, трагически преломляется в формуле, которую находит В.П. Полуэктов, 1927 г.р., повествуя о разрушении церкви: «*Сами ее сложили, сами и сломали*» (с. Сырьяны Белохолуницкого р-на [с. 72, № 264]). Вот уж поистине приговор нашему отношению к национальному достоянию. Раздел «Из истории вятских городов и селений» вообще богат неоднозначными оценками, которые местные жители дают событиям.

Кстати, к содержанию этого раздела, на мой взгляд, можно было подойти более дифференцированно, создав на его основе несколько тематических подразделов. Подобный подход к группировке текстов кажется тем более логичным, что в книге одновременно присутству-

ют разделы «Дославянское население Вятского края», «Праведники Вятской земли», «Вятские старообрядцы», «XX век в рассказах вятчан», представляющие события и лиц, творивших местную историю, более конкретно. Кроме того, многочисленные рассказы об изгнании или бегстве богатых жителей деревень и городов после Октябрьской революции 1917 г., разорении местных святынь в 1920—1930-е гг., включенные в раздел «Из истории вятских городов и селений», вполне логично вписываются в финальный тематический блок сборника — «XX век в рассказах вятчан». Однако избранный автором принцип составления последнего раздела также имеет свои неоспоримые достоинства, поскольку позволяет сгруппировать вместе так называемые «устные рассказы», почти лишенные общих мест, типичных для исторического фольклорного нарратива.

Нельзя не отметить, что сборник богат историческими курьезами, правда, вполне понятными фольклористам. Так, выясняется, что Николай II не был убит, а тайно проживал в Уржумском районе. Здесь же, в с. Лазарево, была похоронена царица Александра Федоровна и одна из великих княжон. Весьма распространенный сюжетный мотив о мнимой смерти государя, который в XX веке устойчиво соединяется с судьбой последнего русского царя и получает широкое распространение как в советской России, так и в русском зарубежье, в местной интерпретации оказывается лишен какой-либо социально-политической подоплеки. Это бытовые свидетельства: «*В нашей области жил царь Второй Николай. И он работал в детдоме, в лесу сторожил. А под какой фамилией, я никак не узнаю. А царица Александра и дочь ее Ольга жили у одной старушки. И не сказали, кто они. А царица хорошая была. У нее была одна нога короче. Дочь-то Ольга у нас на кладбище похоронена, только вот где, не знаю...*»; «*Царь-то Николай женился у второй здесь. От него-то двое детей у ней. Сын выучился на электрика. На столб залез, упал и убили. А дочь-то в Кирове живет. Не знаю, под какой фамилией...*» (с. Шурма Уржумского р-на [с. 322—323, №№ 1235, 1236]). Важным доказательством подлинности рассказа оказывается вышитый ковер с изображением царской семьи, принадлежавший самим Романовым. Этот ковер, опасаясь пре-

следований, по преданию зарыла у себя в огороде одна местная старушка.

Значительную часть местного репертуара составляют рассказы о дославянском населении края — о мифологической чуди и о марийцах, поселившихся здесь задолго до прихода русских. Эти рассказы стали основой раздела «Дославянское население Вятского края» [с. 271—306]. Наблюдая за этническими соседями, местные жители невольно отмечают всё необычное в их облике и поведении и стараются найти этому свое объяснение. В Кировской области бок о бок проживают русские, марийцы, коми-пермяки, удмурты, татары, культурные и религиозные традиции которых весьма самобытны. В рецензируемой книге представлены главным образом рускомарийские контакты. В центре — рассказы русского населения о марийцах, их моленных рощах, совершаемых там обрядах. Важно, что рядом с этими свидетельствами помещены рассказы самих марийцев.

С интересом местное население относится и к старообрядцам, проживающим на этой территории. Естественно, что, оценивая друг друга, старообрядцы и мирские подмечают различия, прежде всего, в отправлении религиозных обрядов. Однако есть традиции, которые кажутся непосвященным настолько удивительными, что позволяют связывать приверженцев «старой веры» чуть ли не с потусторонними силами. В этом плане весьма красноречивы некоторые рассказы о последователях крайне радикального беспоповского толка подпольников, или бегунов. В этих рассказах можно легко узнать мотивы быличек: *«Если когда в лесу плутаешь, это тебя подпольник крутит. Он может с дороги сбить, просто закрутить, и ты как в тумане...»*; *«Раньше говорили: “Хоть бы тебя подпольник взял”. Вот когда сын у матери под ногами пугался, она и сказала ему: “Чтобы тебя подпольник взял, видеть тебя больше не могу”. И пропал ее сын. На месяц пропал. А потом просто домой пришел. “Видал, — говорит, — что у них там, красиво очень, хоть и необычно”*» (д. Даниловка Мурашинского р-на [с. 359—360, №№ 1316, 1317]).

Известна настороженность старообрядческого населения ко всем техническим нововведениям. Отсюда забавные воспоминания, типа: *«Впервые велосипед*

увидели в 1918 году: приехал Иосиф Шуклин, дядя Василия Агафоновича, на немецком велосипеде. Вся деревня высыпала на улицу, все кричали: “Бес едет на двух колесах”» (д. Алешата Афанасьевского р-на [с. 46, № 136]).

Основной корпус сборника дополнен комментариями, в которых не только содержатся необходимые отсылки на архив, сведения об исполнителях и собирателях, но и указаны издания, в которых тот или иной текст ранее был опубликован [с. 380—462]. Составитель также снабдил издание указателем прозвищ жителей Кировской области [с. 464—467], словарем диалектных и малоупотребительных слов [с. 468—469], списком литературы [с. 470—471]. Есть здесь и замечательные иллюстрации. Однако книга, к сожалению, не содержит географических карт (кроме общей схемы, на которой обозначены районы, обследованные экспедициями кафедры русского устного народного творчества МГУ им. М.В. Ломоносова за 18 лет), позволяющих лучше сориентироваться «на местности», что может быть очень сложно читателю, которому не доводилось бывать в Кировской области. Это особенно важно для разделов «Природа Вятского края» и «Из истории вятских городов и селений» (причем в последнем случае можно было бы ожидать пакета карт, показывающих расположение населенных пунктов на территории каждого из представленных районов). Карты могли бы более наглядно показать и ареалы бытования рассказов о чуди, территорию расселения старообрядцев и т.д.

В заключение отмечу, что сборник «История Вятского края в преданиях, легендах и песнях» удачно совмещает задачи научного и популярного издания, с одной стороны, представляя полную систематизацию материалов по заявленной теме, хранящихся в архиве кафедры русского устного народного творчества МГУ, с другой — в доступной форме знакомая читателей с рассказами их земляков.

Литература

Иванова 2002 — *Иванова А.А.* Концепция культурного ландшафта как методологический принцип комплексных полевых исследований // Актуальные проблемы полевой фольклористики. [Вып. 1.] М., 2002. С. 6—13.